

Семь утра — ее самое любимое и счастливое время. Все еще сладко и безмятежно спят: дети — само собой, им положено, муж тоже — поздний прием снотворного гарантирует сон лишь под утро. В эти минуты абсолютного покоя и тишины она может побыть одна, наедине с собой, все обдумать, спокойно оценить и распланировать. Ленивый рассвет еще только раздумывает заняться, дымится легкий парок над чашкой кофе, и аромат, сладкий и густой, растекается по просторной и светлой кухне и начинает выползать в просторы квартиры. Она тихо прикрывает дверь, удобно усаживается в «Борино кресло» — так называется эта древняя и довольно шаткая конструкция с гобеленовой обивкой — и делает наконец первый глоток.

Закрываются в блаженстве глаза. Вот оно, счастье! Кофе и, главное, — тишина! Она знает, что ей отпущено совсем немного — какие-нибудь полчаса. Ну, если повезет, минут сорок. А вот потом начнется!

Появится кто-то из «вредителей» — скорее всего, Ольга. Самая ранняя пташка и самый ответственный человек — не дай бог опоздать в школу!

Или Никоша — что хуже. Потому что обязательно начнется Никошина болезненная суета — без этого никак.

Самое ужасное — появление Ирки. Но это вряд ли. Старшая дочь крепко и безмятежно спит. И разбудить ее будет огромной проблемой — как, впрочем, всегда.

Нет уж, пусть спит до последнего, всем спокойней.

Если первым зайдет Борис, тоже не здорово. После снотворных голова тяжелая, мутная. Настроение — хуже некуда, потому что разбит и вял. В себя придет только на работе — там деваться некуда. А дома можно покапризничать и поканючить.

Она смотрит в окно и думает о том, что скоро зима — долгая и бесконечная. Дети начнут болеть — без этого не обойдется. Нужно ехать к маме — разобрать погреб, заклеить окна к зиме.

У Никоши совсем прохудились ботинки, а у Ольги нет зимнего пальто. А что уж потребует Ирка... Вот об этом лучше не думать.

Бориса начнет мучить язва — застарелая и верная подруга. Уж осенью она обнаружится наверняка. Значит, опять картофельный сок по утрам и специальный рацион. Пареное, вареное.

Она гонит от себя все эти мысли, но они не собираются ее оставлять. Да и вообще — как можно запретить себе думать? Смешно, ей-богу!

Советы мудрейшей из мудрейших — Эли, разумеется: «Вспомни Скарлетт О'Хару: «Я подумаю об этом завтра».

Да нет, и завтра, и сегодня. И послезавтра...

Она смотрит на часы, и в этот момент тишину дома разрывает резкий телефонный звонок.

Она вздрагивает и хватается трубку — господи, только бы никто не проснулся!

— Елена Сергеевна? — Голос казенный и сухой.

Становится не по себе. Слава богу, все дома и спят — мелькает у нее в голове.

Нет, не все дома. И не все спят. Машка в роддоме. Сильный толчок в сердце.

— Да, — хрипло отвечает она.

— Луконина? — Голосу требуется подтверждение.

— Да, — еще раз повторяет она.

В трубке глубокий вздох — уже совсем человеческий.

— Примите соболезнования. Мария Луконина скончалась. — Голос совсем сник.

Она садится на стул и боится выронить трубку — так дрожит рука.

— Ой! — вдруг радуется голос. — А ребенок-то жив! Жив ребеночек! Девочка! Але! Вы меня слышите? Елена Сергеевна?

— Слышу, — отвечает она и кладет трубку на стол.

Частые гудки звучат так громко, так невыносимо громко — словно похоронный набат. На всю квартиру.

Первое, что приходит в голову, — Гаяне.

И еще — что же теперь со всеми нами будет? Жизнь, наверное, уже кончилась. Ведь после такого не живут!

Она в этом почти уверена.

Потом поймет — живут! Живут и после такого — и куда не деться.

Потому что надо жить. Потому что выбора нет. По крайней мере — у нее.

* * *

Дверь распахнулась, и она вздрогнула. На пороге стояла сонная Ольга — байковая пижама с утятами, вязанные носки. Мерзлячка.

Ольга терла глаза и смотрела на мать.

— Маша умерла, — сказала Елена и не узнала свой голос.

Ольга опустила на стул.

— Что ты такое говоришь? — хриплым шепотом спросила она.

Мать кивнула.

— Звонили из роддома. Полчаса назад. Ребенок жив. Девочка.

— Какой ребенок, мам? Зачем этот ребенок?

— Как зачем? — удивилась Елена. — Он родился. Для того чтобы жить, наверно.

— Жить? — переспросила Ольга. — А зачем ему жить, если умерла Маша? Как он может после этого жить?

— Дурочка ты, — ответила мать. — Он у нас разрешения не спрашивает. И он, вернее, она, и Тот, Кто сверху, — она подняла глаза к потолку. — А вот как нам теперь жить... Этого я не понимаю. А еще есть Гаяне. И отец. И — Юра. Что со всем этим делать, Леля? — Она беспомощно поглядела на дочь и заплакала.

Ольга сидела, глядя в одну точку. Она ничего не понимала. Как такое могло случиться? Обрушиться на их семью? Прийти и в их счастливый и мирный дом? Перевернуть и разрушить всю их жизнь? Что будет с отцом, господи? У него же сердце и язва! Что будет с Юрой, таким молодым и таким влюбленным?

А Гаяне? Про это думать вообще невозможно!

Но еще страшнее думать про Машу. Про то, что ее уже нет. И никогда больше не будет. Такой живой, смешливой, подвижной! Такой беспечной и шепучной Маши! Которая просто не может лежать холодной и неподвижной в гробу. Такой родной и близкой — ближе всех, после мамы. Куда там Ирке, родной сестре!

Маша — вот кто ее настоящая сестра! И ерунда и глупости, что она дальше, потому что у них разные матери!

Маша — сестра и подруга. Лучший друг и советчик. Тайный поверенный во всех сердечных делах и секретах. Впрочем, какие там у Лели сердечные дела и тайны — глупость одна подростковая.

Господи! Про какие тайны она думает!

Маши *больше нет*. Как можно в это поверить?

Маши нет, а все остальные есть. По-прежнему есть. На своих местах. Все на своих местах. Спит отец, и, наверно, спит Гаяне. И не знают, чем их встретит этот кошмарный день. Все ЕЩЕ спят.

И Машин ребенок тоже спит. И ничего не понимает. Никогда у него не будет матери. Никогда.

И, скорее всего, бабушки тоже не будет. Потому что следом за Машей в гроб ляжет Гаяне.

Кто следующий? Отец? После его инфаркта?

И во всем виноват *этот* ребенок!

«Я его ненавижу! И буду ненавидеть всю жизнь», — подумала Ольга.

Слез не было. Только ненависть, выжигающая сердце, и страх.

Страх за всех и еще за то, как теперь поменяется вся их жизнь.

На пороге кухни возникла Ирка — привидение в короткой мятой ночнушке, со включенными кудрявыми золотистыми волосами.

Окинув взглядом мать и сестру, широко и сладко зевнув, она спросила:

— Ну и что с вашими лицами? По ком траур?

— По твоей сестре, — тихо ответила мать.

— В каком смысле? — переспросила Ирка.

— В прямом, — ответила Ольга. — Маша умерла.

— Шутишь? — Ирка вскинула брови.

Мать и сестра не ответили.

Ирка плюхнулась на табуретку.

— Вот тебе и доброе утро, — пробормотала она. — Не-плохо начался день.

Елена Сергеевна резко встала и вышла из кухни.

Ольга покачала головой и укоризненно посмотрела на Ирку.

Ирка пожала плечами.

Ирка есть Ирка. Никуда не денешься.

Елена сидела в коридоре. Ольга подошла к матери и присела рядом на корточки.

— Мам, ну хочешь, я папе сама скажу?

Елена покачала головой.

— Нет, Лелька. Это не детское дело. Я сама. Попробую, — вздохнула она. — Иди полежи еще. Учеба на сегодня, как ты понимаешь, отменяется.

«Девочка моя! — подумала Елена. — Как всегда, хочет взять все на себя. Трудности для себя не отменяет. Леля и Ирка. Две сестры. Родные, между прочим. А разница между ними... Не разница — пропасть».

Она медленно, словно старуха, поднялась с табуретки и пошла в спальню. К мужу.

Он спал. Безмятежно и счастливо. Как может спать человек, полночи промучившийся бессонницей.

Она села на край кровати и посмотрела на мужа. Рот, как всегда, приоткрыт. У Никоши точно так же.

Она подумала: вот еще десять минут счастливого сна. Или — двадцать. Еще ТОЙ жизни. А потом начнется жизнь другая. Если вообще можно будет это назвать жизнью. Скорее всего, это будет длинный, темный и бесконечный кошмар. Из которого не выбраться уже никогда. И никому — ни ему, ни Гаюне, ни детям. Впрочем, Ирка не в счет. Может, и слава богу?

А Юра? Молодой, сильный и красивый Юра? Какая у них с Машкой случилась любовь... Кажется, такое вы-

падает далеко не всем. Только мечтать. Хотя кто, как не Машка, этого заслуживает...

Точнее — заслуживала. А чем она заслужила все остальное? Весь этот ужас...

Впрочем, что Юра... Крепкий, здоровый мужик. Что думать про Юру. Есть про кого думать.

И она опять посмотрела на спящего мужа.

Нет. Не могу. Слабая и безвольная. Лелька куда крепче меня. Она бы нашла силы.

Елена вышла из комнаты и притворила дверь.

Ольга сидела на кухне и смотрела в окно. Увидев мать, встрепенулась:

— Чаю, мамуль?

— Какое... — Елена махнула рукой.

На пороге появилась Ирка — одетая и накрашенная.

— Мам! Я побегу?

Ольга и Елена молчали.

— Ну что вы насупились? Я-то при чем? И вообще, чем я могу помочь?

— Ты — ни при чем, — каменным голосом произнесла мать. — Ты всегда и во всем ни при чем. И помочь ты ничем не можешь. Это правда. Если у человека нет сердца, взятки с него гладки.

Ирка досадливо кивнула — все как всегда. Недовольны и воспитывают.

Вышла. Точнее — выскочила. Подальше от неприятностей, подальше от проблем. От всего, что огорчает, — подальше.

Елена и Ольга переглянулись. Ольга махнула рукой — не обращай внимания.

Елена вздохнула: поздно пить боржоми, как говорит Эля. А Эля всегда права.

В дверь позвонили. Ольга вскочила и бросилась в коридор. На пороге стояла Гаяне.

Смотреть в ее глаза было невозможно.

* * *

«Скорая» приехала удивительно быстро — буквально через десять минут.

Борис лежал лицом к стене. Кое-как измерили давление и сделали два укола — один от давления, второй — снотворный. Он ни на что не реагировал и на вопросы не отвечал.

Гаяне уложили в комнате Никоши.

Никоша сидел на кухне и плакал. Ольга достала его таблетки. Дала двойную дозу и пошла в коридор звонить Вальянову.

Вальянов недовольно сказал, что простужен и приехать не сможет. Уточнил список лекарств и подтвердил — да, дозу увеличить. Но приступов, скорее всего, не избежать. Быть начеку и держать готовые шприцы.

Эля с Яковом появились к обеду. Яков пошел к Борису, а Эля писала на листке бумаги очередность предстоящих дел. Потом взяла телефон и принялась обзванивать — больница, морг; знакомые — это уже про поминки. Потом начались совсем невыносимые разговоры про колбасу, рыбу, вырезку — с директором продуктового.

Слушать это было невозможно. Ни про «батоны сырокочпеной», ни про «дай голландского, на черта нам российский».

Все правильно. Кто-то должен заниматься и этим. И лучше Эли это не сделает никто. Но — только не слушать! И не слышать.

Елена заглянула в спальню — Борис повернулся к Якову и что-то тихо ему говорил. Яков держал его за руку и кивал.

В Никошиной комнате было тихо. Гаяне спала. Слава тебе господи.

Но ей предстояло проснуться.

Юре отправили телеграмму — без особой надежды, что он успеет. Пооди найди его в тайге.

А может, и к лучшему. Пережить весь этот ужас будет легче, не видя.

Елена понимала, все понимала — если бы не Эля... Как всегда — четко, грамотно, по делу. Да и кто ей Маша? Не родня, это правда. Сделано все было... Впрочем, разве можно говорить о том, что сделано все было правильно? «Грамотно и достойно» — тоже из Элькиного лексикона.

А ведь сделано все было именно так. Как ни крути. Значит — ханжество? Если кроме благодарности еще какой-то внутренний упрек?

Слишком четко. *Слишком* грамотно. Даже карточки в кафе — где и как рассаживаться. Словно Эля занималась этим всю жизнь. Хотя, за что она ни возьмется — все у нее выходит. Как говорит Яша, «холодным умом». Ей бы в Совет министров — Борины слова.

И Яшин ответ — бедные министры!

Тогда еще шутили...

Теперь надо было пережить этот день — день похорон. А потом учиться жить заново.

И он настал, этот день. Не исчезло седьмое число в календаре. Не исчезло. Седьмое октября. «Страшный день календаря».

* * *

После похорон Гаяне увезла родственница, тетка Ануш, к себе в Монино. Единственная родня, сестра умершего отца. Странная, «полусумасшедшая», как говорил Борис. С редкими просветлениями сознания. Хотя какая разница. У них Гаяне оставаться отказалась.

Через два дня после похорон Борис вышел на работу. И это было выходом — для всех. И для него — в первую очередь.

А Юра приехал через пять дней. Страшный, заросший, черный. Сходил на кладбище и пил на кухне — один. Елена пыталась его накормить — он молчал и ни к чему не прикасался.

Через три дня стал собираться. Елена полезла по шкафам — вытаскивала какие-то банки из запасов: тушенку, шпроты, сгущенное молоко. Положила Юре в рюкзак. Он кивнул: — Спасибо! — И ушел.

Ольга съездила в Монино к Гаяне. Не застала — тетка сказала, что «Гаяне все гуляет».

— В каком смысле? — не поняла Ольга.

— А в прямом, — ответила та. — Уходит рано утром — в поле, в лес. Видели ее на станции. Просто бродит как тень. Один раз пришла без обуви — говорит, потеряла. А на дворе холод, дождь. Я ее спиртом растерла и стакан влила внутрь. Не заболела. А говорила, что надеялась. У нее легкие слабые, а тут — ничего. Странно даже.

Ольга оставила денег и, выпив чаю, засобиралась на станцию.

Видела, как Ануш ловко смахнула деньги в карман передника.

* * *

В квартире было тихо — ходили на цыпочках, говорили шепотом. Ирка уехала в Ленинград к подружке — вот и славно, всем легче.

Никоша рисовал и почти не выходил из комнаты. Обошлись, слава богу, одним приступом.

Борис Васильевич молча съедал ужин и уходил в кабинет. Там же и ночевал — на диване. Елена заходила перед

сном и желала ему спокойной ночи. Он поднимал глаза от книги или рукописи и вежливо отвечал: «И тебе также».

Елена клала на стол снотворное. Однажды он сказал:

– Бесплезно. Все равно не берет.

Она развела руками:

– Что же делать, Боря?

– Я бы тебе сказал, Леночка, да боюсь расстроить.

Теперь не спала она – по несколько раз ночью вставала и заглядывала в кабинет.

Облегченно вздыхала – дышит. И тихо выходила из комнаты.

Ольга спросила:

– А что будем делать с девочкой?

Елена поняла не сразу. А когда поняла, поперхнулась чаем.

– Надо ее забирать, – тихо, но решительно сказала Ольга.

Елена молчала.

– Она же наша, мам. Родная. И к тому же – в чем ее вина?

* * *

Странно – про девочку все забыли. В необъятном своем горе, ужасе, отчаянии.

Никто ни разу про нее и не вспомнил.

А ведь она была. Хотели они этого или нет.

Машки не было, а она была. И никуда от этого не спрятаться.

И опять – Эля, Эля. Все сделала, все оформила – в невымыслимо короткие сроки. И даже поехала с ними за девочкой. За рулем, разумеется.

Девочку развернула там же, в больнице, и устроила скандал – у малышки были страшные опрелости, залитые